

ИВАН ГОНЧАРОВ
и европейский классицизм
и неоклассицизм

Editor Ivo Pospíšil

Ústav slavistiky FF MU
Brno 2021

Recenzovali:

prof. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

doc. Dott. Giuseppe Maiello, PhD. et PhD.

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizim i neoklasicizim (konference) (2020 : Brno, Česko)

Ivan Gončarov i jevropskij klasicizim i neoklasicizim / editor Ivo Pospíšil. -- 1. vydání. -- Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2021. -- 191 stran

Anglická a ruská resumé

"Vydal Jan Sojnek - Galium"--Tiráž -- Sborník příspěvků ze stejnojmenné konference vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU ve spolupráci s Českou asociací slavistů a Slavistickou společností Franka Wollmana. -- Obsahuje bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-88296-14-0 (Jan Sojnek - Galium ; brožováno)

* 821.161.1-3 * 82.02"1700/1830" * 82.02"1890/1945" * 82:7.04 * 82.091 * 82.0 * 82:316.7 * 82.09 * 82.07 * (4) * (062.534)

– Gončarov, Ivan Aleksandrovič, 1812-1891

– ruská próza -- 19. století

– klasicismus (literatura) -- Evropa

– neoklasicismus (literatura) -- Evropa

– literární náměty

– literární vlivy

– poetika

– literatura a kultura

– literárněvědné rozbory

– interpretace a přijetí literárního díla

– sborníky konferencí

821.161.1.09 - Ruská literatura (o ní) [11]

Vychází péčí Ústavu slavistiky FF MU
ve spolupráci s Českou asociací slavistů
a Slavistickou společností Franka Wollmana.

Vychází s finančním přispěním grantu MU
Podpora mezinárodních doktorských škol.

Jazyková korektura Mgr. Taťjana Zaňko.

© Ústav slavistiky FF MU, 2021

ISBN 978-80-88296-14-0

Obsah

Иван Гончаров и европейский классицизм и неоклассицизм. Вступление (<i>Иво Поспишил</i>)	5
---	---

Ольга Червинская

По пушкинским лекалам: роман Ивана Гончарова «Обыкновенная история»	7
--	---

Роман Дзык

Иван Гончаров в украинском литературоведческом пространстве	29
---	----

Анна Глебовна Гродецкая

Реликтовые сюжетные схемы в ранних повестях И. А. Гончарова	59
---	----

Юлия Викторовна Исапчук

Имагологическая рецепция образа Андрея Штольца в контексте современной исторической эпохи	67
--	----

Галина Косых

«Права на... уважение?» (Протопопов о Гончарове)	81
--	----

Наталья Лукьянчикова

Лиза («Некуда») и Вера («Обрыв»): женские образы в полемических романах Н. С. Лескова и И. А. Гончарова	95
--	----

Татьяна Юрьевна Мельник

Эпистолярный текст как репрезентативный знак культуры в романе И. Гончарова «Обрыв» (1869)	103
---	-----

Наталья Валериановна Никоряк

О закономерности редуцирования персониферы романа И. Гончарова «Обломов» в кинотексте	119
--	-----

Юлия Викторовна Исапчук (Черновцы)

Имагологическая рецепция образа Андрея Штольца в контексте современной исторической эпохи

Абстракт

Анализируется фигура Андрея Штольца, одного из центральных персонажей романа И. А. Гончарова «Обломов» (1859), в имагологическом аспекте. Этнообраз «немец» рассматривается на панхроническом срезе с учетом национальных стереотипов и авторских интенций. Исследуется восприятие Штольца как чужеродного элемента славянского (русского) мировоззрения и его адаптивность с позиции XXI века.

Ключевые слова: И. Гончаров; «Обломов»; Штолец; литературная имагология; этнообраз; национальный стереотип; немец

Abstract

Imagological Reception of the Image of Andrey Stolz in the Context of the Modern Historical Era

The study analyzes the figure of Andrey Stolz, one of the central characters in the I. A. Goncharov's novel "Oblomov" (1859), in the imagological aspect. The Ethno Image "German" is viewed from a panchronic perspective, taking into account national stereotypes and the author's intentions. The article examines the reception of Stolz as an element of Other in the Slavic (Russian) worldview and his adaptability from the XXI century's perspective.

Key words: I. Goncharov; "Oblomov"; Stolz; literary imagology; Ethno Image; national stereotype; German

Как известно, свой роман «Обломов» И. А. Гончаров начинает с детального описания характера, внешности и стиля жизни главного героя, который воспринимается архетипом русской национальной культуры. Литературоведы зачислили Илью Ильича Обломова к числу аутентичных вариантов всемирных (транзитивных) литературных образов, таких, как Дон-Кихот,

Гамлет¹, Фауст и т.д. В конце романа читатель узнает, что историю Обломова поведал некоему литератору его друг Андрей Иванович Штольц, второй по значимости мужской персонаж. Он подводит итог реализации концепта «обломовщина» с резко негативной коннотацией («Погиб»)² и аналогичной интерпретацией первых критиков текста³. Таким образом, активно присутствующая фигура автора отстраняется от какой-либо оценки финала жизни протагониста романа и дает возможность взглянуть на текст с иной, возможно, противоположной перспективы⁴.

В романе наблюдается достаточно объективная повествовательная манера писателя, в том смысле, что Штольцу не дают примерять на себе роль рассказчика, как и другим персонажам. При этом ожидание появления Андрея Ивановича слегка интригует реципиента, поскольку, с одной стороны, очевидна неприязнь окружения Обломова ко всему немецкому как к Чужому, с другой стороны, позиция самого Ильи Ильича, который видит в лице друга-наставника своего единственного спасителя от двойного несчастья (фраза про Андрея: «Он бы уладил»)⁵.

Специфичность фигуры Штольца дополнительно подчеркивается в двух аспектах: описание шести визитеров Ильи Ильича и глава «Сон Обломова». Гости являют собой срез суетного общества, от которого прячется главный герой (франты, чиновники, писаки, приживалки). Следует отметить акцент И. А. Гончарова на звучных антропонимах⁶: от деревенского старосты Вытягушкина до барышни Ольги Сергеевны Ильинской и выделить, конечно, в нашем случае Штольца (от немецкого «stolz» — гордый). В вышеупомянутой онирической обломовской идиллии⁷ Андрей Иванович присутствует как неотъемлемый компонент прошлого (совместная учеба, взросление, общие юношеские планы) и будущего (преобразованное утопическое хлебосольное имение). После этого, как контраст к вялотекущему бытию традиционного русского столбового барина, писатель показывает деятельную экзистенцию

¹ Мельник В. И.: *Гончаров*, С. 235.

² Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 507.

³ См. ст. Н. А. Добролюбова и А. В. Дружинина: *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*, С. 34–68, 106–125.

⁴ В. Н. Криволапов предлагает рассматривать ситуацию не по шкале постренессансных ценностей, а с позиции «недостижимого» (М. М. Бахтин), где Обломов-идеалист предстает как триумфатор (Емеля-дурачок) в полном согласии со сказочным идеалом: Криволапов В. Н.: «Типы» и «идеалы» Ивана Гончарова, С. 146. Ср. с поэтикой эпилога романа: Отрадин М. В.: «На пороге как бы двойного бытия...»: *О творчестве И. А. Гончарова и его современников*, С. 154–168.

⁵ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 39.

⁶ Уба Е. В.: *Имя героя как часть художественного целого: (По романной трилогии И. А. Гончарова)*, С. 196, 202–203.

⁷ См. дет.: Малиновский А. Т.: *Идиллическое в романе И. А. Гончарова «Обломов»*.

русско-немецкого предпринимателя XIX века. Стоит отметить, что персонаж Штольца на протяжении всего романа является одним из триггеров в жизни своего друга (толкает его к деятельности разного рода).

Немного остановимся на этнообразе⁸ «немец» в данном романе. В начале текста слуга Захар Трофимович неместно отзывается о соседнем немецком семействе настройщика, которого барин хвалит за чистоту и порядок. Для гончаровского Санчо-Пансы их способ жизни трансформируется в «скарედное житъе»: *«А где немцы сору возьмут, — вдруг возразил Захар. — Вы поглядите-ко, как они живут! Вся семья целую неделю кость гложет. Сюртук с плеч отца переходит на сына, а с сына опять на отца. На жене и дочерях платьишки коротенькие: все поджимают под себя ноги, как гусыни... Где им сору взять? У них нет этого вот, как у нас, чтоб в шкафах лежала по годам куча старого, изношенного платья или набрался целый угол корок хлеба за зиму... У них и корка зря не валяется: наделают сухариков, да с пивом и выпьют!»*⁹. Тут явный клишированный образ¹⁰ практического и экономного немецкого мышления, который резонирует с более свободным способом жизни простых, но ленивых крестьян.

Абсолютно негативное отношение ко всему чужому проявляется в образе обломовского земляка Михея Андреевича Тарантьева. У данного писаря-взяточника, болтуна-грубияна *«инстинктивное отвращение к иностранцам. В глазах его француз, немец, англичанин были синонимы мошенника, обманщика, хитреца или разбойника. Он даже не делал различия между нациями: они были все одинаковы в его глазах»*¹¹. Врожденная антипатия ярко выражена к немцам, особенно к Штольцу (*«шельма продувная»*)¹², который постоянно мешает до конца одурачить Илью Ильича. Понятно, что любые инновации экономического характера воспринимаются Тарантьевым в штыки: аренда,

⁸ Под понятием «этнообраз», принадлежащим к терминологическому аппарату современной литературной имагологии, мы подразумеваем литературный образ, который репрезентирует индивидуальные и типичные черты определенной (национальной) идентичности. Он отличается от автообраза (представление о себе), гетерообраза (восприятие образа другого) и метаобраза (представления нации о том, как она воспринимается другими). См. дет.: Кіор Н.: *Літературна імагологія: вивчення образів інших етнокультур у національній літературі*; Наливайко Д.: *Літературознавча імагологія: предмет і стратегії*; Якимович В. А.: *Літературна етноімагологія, літературні образи та етнообрази: проблеми термінології*.

⁹ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 15–16.

¹⁰ В данном случае мы опираемся на понятие «стереотип» за Красных В. В.: «некоторое „представление“ фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная „картинка“, являющаяся результатом отражения в сознании личности „типового“ фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира»: Красных В. В.: *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?*, С. 231.

¹¹ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 53.

¹² Ibidem.

ферма, акции — «немецкая выдумка!» или «немецкой стороной пахнет»¹³ — излюбленные его словечки. Всему этому он противопоставляет свою «честность» русского простого человека. Изначально отрицательный персонаж воплощает стереотипное виденье недалеких людей, не желающих перемен. По мнению Е. Краснощековой, таким образом автор изображает характер «настоящего русского человека», которому чужда многонаправленность и результативность иностранцев (немцев)¹⁴.

В свою очередь уместно вспомнить эпизодического персонажа барона фон Лангвагена, чья фамилия звучит на немецкий манер, хотя авторский комментарий на счет национальной характеристики отсутствует. Тем не менее, возникают ассоциации с тогдашним распространённым транспортным средством (нем. «Wagen» — экипаж или телега). К тому же в тексте подчеркивается трепетное отношение к лошадям своего экипажа и тот факт, что барон (его именно так называют) всегда ездил в карете¹⁵. В романе он является опекуном имени Ольги Ильинской и приятелем ее тетушки, чуть ли не единственным спутником их досуга на даче и в городе. *«Ему было под пятьдесят лет, но он был очень свеж, только красил усы и прихрамывал немного на одну ногу. Он был вежлив до утонченности, никогда не курил при дамах, не клал ногу на другую и строго порицал молодых людей, которые позволяют себе в обществе опрокидываться в кресле и поднимать коленку и сапоги наравне с носом»*¹⁶, *«рассуждал он обо всем: и о добродетели, и о дороговизне, о науках и о свете одинаково отчетливо, выражал свое мнение в ясных и законченных фразах, как будто говорил сентенциями, уже готовыми, записанными в какой-нибудь курс и пущенными для общего руководства в свет»*¹⁷. Позже, со слов Штольца, станет известно, что барон неудачно просил Ольгиной руки и так и не довел до конца ее судебное дело с имением. В целом проступает типичный образ закостенелого моложавого аристократа-щеголя без особых душевных качеств или изъянов.

Что же касается Андрея Ивановича, его фигура достаточно наглядно воплощает «немецкость» в русской литературе XIX в. Одна из последних работ на эту тему, С. Жданова, аккумулирует наработки исследователей в данном аспекте и представляет авторскую концепцию четырех типов «мирообраза» Германии в произведениях писателей конца XVIII – начала XIX вв. (в том числе и И. А. Гончарова)¹⁸.

¹³ Ibidem, С. 405.

¹⁴ Краснощекова Е. А.: *И. А. Гончаров: Мир творчества*, С. 216.

¹⁵ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 228.

¹⁶ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 228.

¹⁷ Ibidem, С. 229.

¹⁸ Жданов С. С.: *Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XIX века*.

В. Мельник подчеркивает негативную коннотацию, начиная с И. И. Лажечникова, когда немцы отличаются «жидкой натурой» по сравнению с русскими с их народно-фольклорным восприятием¹⁹. Литературовед делает акцент на том, что И. А. Гончаров вслед за другими отечественными писателями показал реальную ситуацию в России, где «западный элемент» чаще всего был представлен именно немцами, составившими особую этнокультурную группу под названием «русские немцы»²⁰. За этим стоит целый ряд биографических факторов: проживание в традиционных для них регионах (Поволжье и Петербург) и непосредственное общение (жена брата Николая в девичьи Рудольф), знакомство с моделью «немецкого (практического) воспитания», впечатления от посещения Германии (впервые в 1857 г.) и межкультурная коммуникация (чтение в оригинале и перевод некоторых немецких авторов)²¹. В свою очередь писатель старается репрезентировать объективную оценку роли русских немцев для развития страны, часто критикуя своих соотечественников, предлагая таким образом «прививку» к западной жизни²². В черновых вариантах «Обломова», созданных по возвращению из путешествия (1852–1856) и перекликающихся по пафосу и тематике с сибирскими главами «Фрегата „Паллада“» (1858), очевиден замысел, показать Андрея Штольца одним из титанов, преобразователей-цивилизаторов России²³.

Любопытно, что немецкий русист П. Тирген, анализируя метаобраз «немцев» у И. А. Гончарова выделяет подлинных / немецких («echte / deutsche Deutsche»), русских («Russendeutsche») и прибалтийских («Baltendeutsche») немцев. На его взгляд, первые показаны достаточно клишировано (эпизодические персонажи, иронично и амбивалентно: либо филистерами, либо идеалистами), последние — слегка ограничено (из-за нежелания ассимилироваться), Штолец как олицетворение «русского немца» является скорее идеей с акцентом на прозападном воспитании²⁴. Литературовед кратко подчеркивает несуразность поспешной рецепции данного образа

¹⁹ Мельник В. И.: *Гончаров*, С. 218–219. См. выше: Obolenskaja S.: *Belächelt und bestaunt – der Deutsche in der russischen Volkskultur des 18. und 19. Jahrhunderts*.

²⁰ Мельник В. И.: *Гончаров*, С. 217.

²¹ Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, S. 351–363.

²² Мельник В. И.: *Гончаров*, С. 217–221.

²³ Краснощекова Е. А.: *И. А. Гончаров: Мир творчества*, С. 228–231.

²⁴ Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, С. 353, 357–359.

некоторыми исследователями²⁵ и настаивает на необходимости изучения писем и эссе самого писателя (к примеру, «Лучше поздно, чем никогда» (Критические заметки)²⁶.

Фабула романа создает бинарную оппозицию между Штольцем и Обломовым, демонстрируя дихотомическую взаимосвязь персонажей. Таким образом усиливается и национальная стереотипность образов. Несмотря на противоположность в воплощении жизненных целей и ценностных ориентаций (созерцательность/деятельность, «рациональное/иррациональное», «прогресс/традиция», «Россия/Запад»)²⁷, их объединяет общий хронотоп взросления. Пансион в селе Верхлёво для обучения местных дворян, дидактические принципы родителей в понимании непрерывной связи с традиционной моделью воспитания (*«он (отец Штольца. — прим. Ю. И.) сделал это очень просто: взял колею от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука, и был покоен»*)²⁸, университетское образование, стремление познать мир через путешествия. Их отцы изначально следуют поведенческой национальной модели жизни своих предков²⁹. Тут отчетливо противопоставляется русский темпоритм с его натуральным развитием, медленным шагом, крестьяне трудиться не столько подвижны охотой к зажиточности (довольствуются малым), но исполняя наряд организующей воли Державы³⁰. *«Вот день-то и прошел, и слава Богу! — говорили обломовцы, ложась в постель, — кряхтя и осеняя себя крестным знаменiem. — Прожили благополучно, дай Бог и завтра так!»*³¹ энергичному распорядку дня немецкого бюргера-управляющего.

Как мы помним, отец Андрея, Иван Богданович Штольц, родом из Саксонии, агроном-технолог, по совместительству учитель-просветитель, удачно вписался в быт русской глубинки после 6-летних странствий. Данный персонаж отлично репрезентирует клише «немец-филистер» или

²⁵ П. Тирген обращает внимание на редуцированное представление творчества И. А. Гончарова в Германии, когда Штольца воспринимают как «типичного немца» с негативными коннотациями, а также советует «полезные» работы коллег: Ibidem, S. 350, 363–364.

²⁶ Гончаров И. А.: *Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки)*, С. 80.

²⁷ Бло Ж.: *Иван Гончаров, или недостижимый реализм*, С. 145–151; Долженков П. Н.: *Обломов и Штольц: Россия и Запад в романе И. А. Гончарова «Обломов»*; Шевченко Ю. Ю.: *Оппозиция образов Обломов / Штольц сквозь призму цивилизационного выбора России*.

²⁸ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 164.

²⁹ Если рассматривать данный текст как роман воспитания, стоит учитывать осмысление И. А. Гончаровым педагогических идей Ж.-Ж. Руссо («Эмилия, или О воспитании», 1762), где именно Андрей благодаря своему отцу формируется по системе французского классика: Краснощекова Е. А.: *И. А. Гончаров: Мир творчества*, С. 274–28. Ср. с идеалами шиллеровского воспитания: Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, S. 359–360, 364–365.

³⁰ Гачев Г. Д.: *Ментальности народов мира*, С. 209.

³¹ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 120.

«немец-колонист» — образ Чужого, который сохраняет свою внутреннюю связь со своим «иным», из-за этого «непонятым» мировоззрением или менталитетом. Именно от него у сына простой взгляд на жизнь, пребывание в движении, умеренность во всем, помноженная на идеал в (просветительском) труде в качестве познания мира, формы и содержания жизни. Г. Гачев утверждает, что «немцы прославлены в народах как мастера: немец просто органически не может плохо работать. Труд осуществляет синтез между двумя главными тут стихиями: земля и огонь»³².

Фактически у него есть генетические задатки, необходимые для успешного бизнесмена того времени. При этом Штолец сторонится «деревенской» и «петербургской» разновидностей концепта «обломовщина»: владеть капиталом либо положением в обществе ради покоя или заслуженного отдыха. Однако не до конца понятна его профессиональная деятельность и круг общения. Каким образом он так быстро приумножил свои капиталы, как он нашел общий язык с коррумпированными чиновниками того времени (эпизод с фальшивым векселем Обломова)? Возможно, он — всего лишь очередной аферист-делец аля чичиков³³, нувориш, а не трудолюбивый профессионал своего дела.

Равно как противовес к «идеализированному» деятельному человеку, Андрей Иванович производил впечатления бесчувственного эгоиста³⁴, слишком целеустремленного, не способного на риск или отвагу ради «авось»: *«И чем больше оспаривали его, тем глубже „коснел“ он в своем упрямстве, впадал даже, по крайней мере в спорах, в пуританский фанатизм. Он говорил, что „нормальное назначение человека — прожить четыре времени года, то есть четыре возраста, без скачков и донести сосуд жизни до последнего дня, не пролив ни одной капли напрасно, и что ровное и медленное горение огня лучше бурных пожаров, какая бы поэзия ни пылала в них“»*³⁵. Закрытость Штольца можно объяснить немецким менталитетом, где вся душевность сосредоточена в «я», внутреннем мире, а снаружи мы наблюдаем чистое, абстрактное, безжизненное «я»³⁶.

³² Гачев Г. Д.: *Ментальности народов мира*, С. 117. Ср. с теперешним отношением к работе: Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, S. 362.

³³ М. А. Протопопов утверждает, что «практичность без идеального элемента, без идейной основы, есть та же чичиковщина, сколько бы ее эстетически не охорашивали»: Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике, С. 203.

³⁴ Современники И. А. Гончарова абсолютизировали социальный аспект фигуры Штольца, обвиняя его в холодном практицизме, игнорируя другие составляющие образа: Краснощекова Е. А.: И. А. Гончаров: Мир творчества, С. 290.

³⁵ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 170.

³⁶ Гачев Г. Д.: *Ментальности народов мира*, С. 121.

Не случайно крестьяне его деревни не могут понять сухость, даже бездушность отца и сына при расставании друг с другом: *«Каков щенок: ни слезинки! — говорили соседи»* и *«А старый-то нехристь хорош! — заметила одна мать. — Точно котенка выбросил на улицу: не обнял, не взвыл!»*³⁷. Скупая на эмоции сцена напоминает инструктаж амбициозного юнца и умудренного опытом старшего наставника, чем прощание двух самых близких людей.

Равным образом Штольцу не были присущи ни активная работа воображения, ни мечтательность, ни болезненная задумчивость, ни частая влюбленность, ни душевные терзания: *«То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман, то или другое отражение лучей и красок на сетке органа зрения или же, наконец, факт, до которого еще не дошла очередь опыта»*³⁸. Он не был ни немецким философом-мыслителем или гофмановским романтическим героем-энтузиастом, если расширить границы восприятия немцев не только как обывателей³⁹.

В связи с этим стоит вспомнить эпизод с подавленным настроением Ольги Сергеевны в статусе жены Штольца. Супруг пытается выяснить ее душевное состояние, найти причины хандры либо в зарождении нервного заболевания, либо в грусти души как человеческого недуга. И в качестве средства борьбы с последним он предлагает *«вооружаться твердостью и терпеливо, настойчиво идти своим путем. Мы не Титаны с тобой, — продолжал он, обнимая ее, — мы не пойдем, с Манфредами и Фаустами, на дерзкую борьбу с мятежными вопросами, не примем их вызова, склоним головы и смиренно переживем трудную минуту, и опять потом улыбнется жизнь, счастье и...»*⁴⁰. Штолец не отрицает существования подобных онтологических или экзистенциальных проблем, но предлагает довольно рациональное их решение.

Данный эпизод и оценка дальнейшей судьбы их пары демонстрирует всевозможные интерпретации у гончароведов разных эпох⁴¹. В одной

³⁷ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 166.

³⁸ Ibidem, С. 168.

³⁹ Д. Н. Овсянко-Куликовский видит в нем появление нового общественно психологического типа «либерала и практического деятеля», который объединяет эпикуреизм 1840 х гг. со стоицизмом 1860 х гг.: *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*, С. 259–262.

⁴⁰ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 474–475.

⁴¹ А. В. Дружинин утверждает: «Андрей Штолец исчез перед нею, как исчезает хороший, но обыкновенный муж перед своей блистательно одаренною супругою», Д. Н. Овсянко-Куликовский предполагает, что со временем Ольга окончательно разочаруется в буржуазно-либеральной идеологии мужа: *Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*, С. 119, 264–265. В. Н. Криволапов замечает в этой сцене из топоса «крымской идиллии» бесперспективность утопии любого рода, он также рассматривает фигуру Штольца в качестве резонера или

из последних работ С. Жданов считает Штольца героем-пути, который не дошел до запланированного ему места, вернувшись на узкую колею немецкого протестантского трудового этоса⁴². Мы же согласимся с мнением В. Недзвецкого, что в союзе Ольги и Андрея писателю не до конца удалось реализовать авторское понимание концепта «счастья» и «любви»⁴³ в «сознательном (*курсив И. А. Гончарова*) замужестве Ольги»⁴⁴.

С другой стороны, Андрей Иванович не всегда выражает исключительно немецкие черты характера. Если Обломов предстает как созерцательный античный философ или демонстрирует азиатское отношение к жизни, в свою очередь Штолец проявляется как европеец⁴⁵. Известно, что он — не чистый немец⁴⁶, поскольку его мать — русская с дворянскими корнями. При этом писатель изображает ее абсолютной противоположностью своему мужу не только в вопросах воспитания сына, но и в целом мировоззренческих. Она буквально презирует все «немецкое» с соответственной обывательской парадигмой: «бескультурие», «педантизм», «порядок», «трудоголизм».

Данный женский образ наиболее негативно-стереотипно рассуждает обо всех немцах, полагаясь на свой личный житейский опыт гувернантки, побывавшей в Германии: *«на всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мецан, не любила грубости, самостоятельности и кичливости, с какими немецкая масса предъявляет везде свои тысячелетием выработанные бюргерские права, как корова носит свои рога, не умея, кстати, их спрятать»* и дальше *«На ее взгляд, во всей немецкой нации не было и не могло быть ни одного джентльмена. Она в немецком характере не замечала никакой мягкости, деликатности, снисхождения, ничего того, что делает жизнь так приятно в хорошем свете, с чем можно обойти какое-нибудь правило, нарушить общий обычай, не подчиниться уставу»*⁴⁷.

психотерапевта в отношениях с Ольгой: Криволапов В. Н.: *«Типы» и «идеалы» Ивана Гончарова*, С. 68–69, 158, 242. В. И. Мельник напротив трактует совет Штольца как христианское смирение, анализируя их семейные отношения не в религиозной, а гуманистической сфере, говоря о мире и гармонии, ответственности мужа за духовное развитие жены: Мельник В. И.: *Гончаров и Православие. Духовный мир писателя*, С. 270–275.

⁴² Жданов С. С.: *Пространство Германии в русской словесности конца XVIII — начала XIX века*, С. 27.

⁴³ Недзвецкий В. А.: *И. А. Гончаров — романист и художник*, С. 44–49.

⁴⁴ Гончаров И. А.: *Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки)*, С. 78.

⁴⁵ Мельник В. И.: *Гончаров*, С. 221.

⁴⁶ Сам И. А. Гончаров напоминает, что ему «противно было брать чисто немецкого немца. Я взял родившегося здесь и обрусевшего немца и немецкую систему неизнеженного, бодрого и практического воспитания»: Гончаров И. А.: *Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки)*, С. 81.

⁴⁷ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 160–161.

Нам не известна история знакомства родителей Андрея, развития их отношений, но создается впечатление, что мать пытается компенсировать в сыне свое неудачное замужество с таким чернорабочим бюргером-филистером⁴⁸. Возможно, поэтому ее дитя должно стать непременно идеалом барина, ни в коем случае не отцовским «добрым буршем». Для этого «она бросалась стричь Андрюше ногти, завивать кудри, шить изящные воротнички и манишки, заказывала в городе курточки, учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю...»⁴⁹. В целом младший Штольц формируется в русскоязычной православной среде, активно взаимодействуя, как с матерью, так и отцом (последний учит его немецкому языку по книгам). У него нет, как у Ильи, няньки с ее мифологическим сознанием (суевериями и небылицами), однако неподалеку праздная атмосфера барской Обломовки и аристократическая аура княжеского дома в Верхлѐве. И. А. Гончаров, будучи писателем-реалистом, подводит итог формирования личности Андрея и придает огромное значение тому, что он «вырос на русской почве»⁵⁰.

Американский русист Дж. Уокер, изучая стереотипный образ немца в русской литературе XIX в., приходит к выводу о парадоксальности «немецкости» Штольца. Во-первых, персонификация близкого окружения (друг Ильи Ильич, слуга Захар, родная мать) не воспринимает его за Чужого, что видно на уровне обращения (Андрей Иванович, Андрюша, батюшка). Во-вторых, используя классификацию клишированных характеристик немцев и русских (от бинарной пары «скрытный — прямой» до «загребущий — щедрый») вместе с метафорами самого И. А. Гончарова: тактильной (нежные русские и грубые немецкие руки), пространственной (окружение и расширение ограниченного пространства) и ботанической (почва), он приходит к выводу, что Штольц является продуктом диалога двух культур⁵¹. В то же время, П. Тирген, используя гегелевскую триаду: теза (бюргер-отец-немец), антитеза (русская мать-аристократка), синтез (русифицированный сын-немец), смотрит на фигуру Штольца шире, чем на сумму унаследованных качеств от его родителей⁵².

⁴⁸ П. Тирген подчеркивает мезальянс этой пары, в особенности с позиции XXI ст., и говорит о конструкте противоположных моделей воспитания (западники и славянофилы): Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, S. 355–357.

⁴⁹ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 161.

⁵⁰ Ibidem, С. 162.

⁵¹ Walker Jo. S.: *Neither Burgher nor Barin: An Imagological and Intercultural Reading of Andrey Stoltz in Ivan Goncharov's Oblomov (1859)*.

⁵² Thiergen P.: *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov*, S. 357.

Символом симбиоза формирования Андрея является подаренный отцом клеенчатый плащ и купленный по воле матери изящный фрак. Е. Краснощекова подмечает в этом также синтез двух культур (немецкой и русской) и двух эпох (феодальной и буржуазной)⁵³. С названными атрибутами юноша и начинает самостоятельную жизнь. Заметим, что немецкий штольцовский плащ как художественная деталь аналогична обломовскому восточному халату или шлафроку⁵⁴. Он появляется в тексте снова при размышлениях Андрея Ивановича о браке. В этом персонаже сочетается отцовская серьёзность и рассудительность, а также материнская чистота души в определенный момент отчаяния в поисках достойной избранницы, он не воспринимает литературное изображение любви и трезво смотрит на примеры семейных союзов из его окружения. Все же в мыслящей Ольге Сергеевне, которая из «очаровательно(го) дитя»⁵⁵ не без косвенного участия Штольца (посредник при знакомстве с Обломовым) превратилась в женщину, он находит свой идеал спутницы жизни: «ему грёзилась мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни целого счастливого поколения»⁵⁶. Его особенно радует и удивляет ее тяга к знаниям, транслятором которых является он сам⁵⁷.

Подводя итог имагологическому анализу образа Штольца, следует принимать во внимание германское мироощущение, которое выражается в понятиях отцова земля («Vaterland») как родина и материнский язык («Muttersprache») как родная речь. В отличие от многих народов, немецкая женская субстанция акцентирована не материально, а спиритуально. В свою очередь германский уровень души связан с водной стихией, по этому немцам характерна и сентиментальность, несмотря на то что в их натуре преобладает стихия земли⁵⁸. С одной стороны, немецкий менталитет демонстрирует возможность развиваться по законам германского биполярного мировоззрения, с другой, акцентирует на роли женского (слабого) звена. В нашем случае, этнообраз Штольца подчеркивает важность материнского

⁵³ Краснощекова Е. А. И. А. Гончаров: Мир творчества, С. 288–289.

⁵⁴ Дж. Уокер утверждает, что употребление данного германизма показывает, как антивестернизация («халат») транслируется через западную перспективу («шлафрок»), где посредником при презентации русской идентичности является Запад: Walker Jo. S.: *Neither Burgher nor Barin: An Imagological and Intercultural Reading of Andrey Stoltz in Ivan Goncharov's Oblomov* (1859), P. 20–22.

⁵⁵ Гончаров И. А.: *Обломов*, С. 186.

⁵⁶ Ibidem, С. 468.

⁵⁷ Е. В. Уба называет Штольца проповедником для центральных персонажей романа: Уба Е. В.: *Имя героя как часть художественного целого: (По романной трилогии И. А. Гончарова)*, С. 202–203.

⁵⁸ Гачев Г. Д.: *Ментальности народов мира*, С. 118.

компонента, чужого (русского), который превращается в родной, не замечая при этом имманентно своего (немецкого).

Ординарность образа Штольца для читателей XIX ст.⁵⁹ уместна и для современной эпохи с ее акцентом на прозападный стиль для достижения успеха. Предприимчивость, активная жизненная позиция, движение к цели персонажа напоминает скорее реализацию «американской мечты», а его самого можно назвать «self-made man». Андрей Иванович перенял адаптивность от своего отца-немца, но все же остается чужим для славянского/русского мироощущения⁶⁰. Кроме того, его «немецкость» — достаточно амбивалентна, с одной стороны, ярко отображает (позитивные) национальные стереотипы, с другой стороны, вызывает определенные вопросы относительно цельности его образа как персонажа.

Литература

- Бло Ж. (2004): *Иван Гончаров, или недостижимый реализм*. Санкт-Петербург, 2004, 320 с.
- Гаврилів О. (2013): *Освічений, але пиячить. До питань національних стереотипів // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини*. Львів, 2013, Вип. 33, С. 315–323.
- Гачев Г. Д. (2008): *Ментальности народов мира*. Москва, 2008, 544 с.
- Гончаров И. А. (1953): *Обломов*. Т. 4. Обломов: роман в 4-х ч. Собрание сочинений в 8 т. Москва, 1953, 519 с.
- Гончаров И. А. (1955): *Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки)*. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. Собрание сочинений в 8 т. Москва, 1955, С. 64–113.
- Долженков П. Н. (2020): *Обломов и Штольц: Россия и Запад в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*. Воронеж, 2020, № 3, С. 16–20.
- Жданов С. С. (2019): *Пространство Германии в русской словесности конца XVIII – начала XIX века: автореф. дисс. докт. филол. наук: 10.01.01*. Томск, 2019, 34 с.

⁵⁹ В. Н. Криволапов анализирует причины неблагоприятного отношения к Штольцу русскими критиками: Криволапов В. Н.: *Вспомним о Штольце...: (Герой романа И. А. Гончарова «Обломов» в оценке русской критики)*.

⁶⁰ Ср. современную зачастую негативную рецепцию Штольца в России из-за его немецких корней: Долженков П. Н.: *Обломов и Штольц: Россия и Запад в романе И. А. Гончарова «Обломов»*; Жиркова Е. А.: *Роман И. А. Гончарова «Обломов»: национальный аспект в семантике образа Штольца*.

- Жиркова Е. А. (2006): *Роман И. А. Гончарова «Обломов»: национальный аспект в семантике образа Штольца* // Вестн. Моск. гос. открытого пед. ун-та. Филол. науки. Москва, 2006, № 12, С. 5–15.
- Кюр Н. (2010): *Літературна імагологія: вивчення образів інших етнокультур у національній літературі* // Питання літературознавства. Чернівці, 2010, Вип. 79, С. 290–299.
- Коптякова Е. Е. (2008): *Германия в национальных стереотипах русских и американцев* // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008, Вып. 1 (24), С. 129–132.
- Краснощечкова Е. А. (2012): *И. А. Гончаров: Мир творчества*. Санкт-Петербург, 2012, 528 с.
- Красных В. В. (2003): *«Свой» среди «чужих»: миф или реальность?* Москва, 2003, 375 с.
- Криволапов В. Н. (1997): *Вспомним о Штольце...: (Герой романа И. А. Гончарова «Обломов» в оценке русской критики)* // Русская литература. Москва, 1997, № 3, С. 42–66.
- Криволапов В. Н. (2000): *«Типы» и «идеалы» Ивана Гончарова*. Курск, 2000, 280 с.
- Малиновский А. Т. (2013): *Идиллическое в романе И. А. Гончарова «Обломов»* // Вісник Дніпропетровського університету імені Альфреда Нобеля. Серія «Філологічні науки», 2013, № 2 (6), С. 171–176.
- Мельник В. И. (2008): *Гончаров и Православие. Духовный мир писателя*. Москва, 2008, 544 с.
- Мельник В. И. (2012): *Гончаров*. Москва, 2012, 432 с.
- Наливайко Д. (2005): *Літературознавча імагологія: предмет і стратегії* // Літературна компаративістика. Київ, 2005, Вип. 1, С. 27–44.
- Недзвецкий В. А. (1992): *И. А. Гончаров – романист и художник*. Москва, 1992, 175 с.
- Отрадин М. В. (2012): *«На пороге как бы двойного бытия...»: О творчестве И. А. Гончарова и его современников*. Санкт-Петербург, 2012, 328 с.
- Роман И. А. Гончарова «Обломов» в русской критике*: Сб. статей. Сост., авт. вступ. статьи и комментарии Отрадин М. В. Ленинград, 1991, 304 с.
- Уба Е. В. (2003): *Имя героя как часть художественного целого: (По романной трилогии И. А. Гончарова)* // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И. А. Гончарова: Сб. рус. и зарубеж. авторов. Сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск, 2003, С. 195–207.
- Филюшкина С. (2005): *Национальный стереотип в массовом сознании и литературе (опыт исследовательского подхода)* // Логос, 2005, Вып. 4 (29), С. 141–155.

- Холкин В. И. (2003): *Андрей Штольц: поиск понимания* // И. А. Гончаров: Материалы Междунар. конф., посвящ. 190-летию со дня рожд. И. А. Гончарова: Сб. рус. и зарубеж. авторов. Сост. М. Б. Жданова и др. Ульяновск, 2003, С. 38–48.
- Шевелева И. П. (2003): *Этнический стереотип как феномен культуры* // Культура народов Причерноморья. 2003, Вып. 37, С. 72–76.
- Шевченко Ю. Ю. (2014): *Оппозиция образов Обломов / Штольц сквозь призму цивилизационного выбора России* // Мова. Одеса, 2014, № 22, С. 98–102.
- Якимович В. А. (2018): *Літературна етноімагологія, літературні образи та етнообрази: проблеми термінології* // Science and Education a New Dimension. Philology, VI (52), Iss.: 177, 2018, С. 73–76.
- Obolenskaja S. (1998): *Belächelt und bestaunt – der Deutsche in der russischen Volkskultur des 18. und 19. Jahrhunderts* // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Bd. 3.: 19. Jahrhundert: von der Jahrhundertwende bis zu den Reformen Alexanders II. Hrsg. v. D. Herrmann. München, 1998, S. 111–136.
- Thiergen P. (2006): *Deutsche und Halbdeutsche bei Ivan Gončarov* // Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht. Bd. 4.: 19./20. Jahrhundert: Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg. Hrsg. v. D. Herrmann. München, 2006, S. 350–365.
- Walker Jo. S. (2013): *Neither Burgher nor Barin: An Imagological and Intercultural Reading of Andrey Stoltz in Ivan Goncharov's Oblomov (1859)* // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Москва, 2013, Vol. 2, № 2, P. 5–30.

Юлия Викторовна Исапчук

Кандидат филологических наук, ассистент, кафедра зарубежной литературы, теории литературы и славянской филологии, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Украина)

y.isapchuk@chnu.edu.ua